Проф. А. И. Введенскій.

CM bl CAB A3 bl 4 ECTBA.

(Философскій комментарій на первую главу, ст. 18—32 посланія къ Римлянамъ и мъста параллельныя.)

москва.

Типографія Г. Лисснера и А. Гепеля. прявин. Э. Лисснера и Ю. Романа. Воздвижения, Врестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.

Отдѣльный оттискъ изъ № 1 журнала Въра и Перковъ за 1900 г

Печатать дозволяется, Москва, 16 января 1900 г. Цензоръ протојерей *Николай Благоразумос*в

Сиыслъ язычества.

(Философскій комментарій на первую главу, ст. 18—32, посланія къ Римлянамъ и мъста параллельныя.)

Если въ язычествъ есть смыслъ, то смыслъ этотъ, безъ сомнънія, заключается не въ томъ, что есть въ немъ безсмысленнаго, не въ его часто совсвиъ непостижимыхъ, по своему неразумію, суев ріяхь и ужасающихь, по своей оргіастической безнравственности, культахъ, но — въ той истинь Божіей (ст. 25), искаженною тынью которой являются эти жалкія суевьрія, и въ той правдю Божіей (ст. 17), которая обличаеть эти мерзостные культы ихъ же собственными следствіями. Подобно тому, какъ въ обыкновенной человеческой "трагедіи", хотя насъ и могуть иногда интересовать тъ или другія частности, но нравственное дъйствіе достигается лишь производимымъ общимъ впечатлѣніемъ, и смыслъ познается лишь изъ соотношенія всёхъ, развернутыхъ въ ней, мотивовъ и дъйствій: такъ точно и въ той великой "трагедіи въры", которую представляеть исторія языческаго сознанія, главное и поучительное для насъ заключается не въ тахъ или другихъ его частныхъ формахъ, какъ бы интересны сами по себъ онъ иногда ни были, но въ идеъ процесса, выраженной въ целостной совокупности всехъ его ственныхъ моментовъ. Только съ этой точки зрѣнія въ смѣнѣ безконечно разнообразныхъ суевърій и культовъ, церемоній и обрядовъ, обычаевъ и нравовъ, намъ можетъ открыться ихъ общій, существенный и основной, смысла.

И вотъ, если мы возьмемъ исторію язычества въ цѣломъ, не такъ, какъ она представляется ограниченному пониманію того или другого отдѣльнаго изслѣдователя, но такъ, какъ она предносится богопросвѣщенному взору священныхъ писателей и преимущественно великаго апостола языковъ, Павла, — то она распадется предъ нами на три основныхъ момента или, если мы хотимъ выдержать употребленное выше сравненіе, на три акта.

Сначала, — первый моменть, — на религіозной жизни естественнаго человѣчества, изъ котораго еще не выдѣлилось язычество, въ собственномъ смыслѣ этого слова 1), на его вѣрованіяхъ и дѣяніяхъ, мы видимъ ясный отблескъ первобытной истины, которая мощно поддерживаетъ въ человѣкѣ свѣтъ естественнаго Откровенія и чуткость врожденной совѣсти. Отовсюду доносятся до насъ свидѣтельства о почитаніи единаго истиннаго Бога и таинственные образы людей, Его боящихся и Ему угодныхъ, выступаютъ предъ нами у многихъ племенъ и народовъ и внѣ народа избраннаго.

Однако, естественное человъчество, — это второй моменть, — не устояло въ томъ строъ жизни, который опредълялся его первоначальнымъ знаніемъ о Богъ. Храня неприкосновенною мысль о Немъ въ умъ, оно не славило Его своею жизнію и вотъ въ его сознаніи открылась роковая двойственность: ослабъвшая воля туманила умъ, а затемненный умъ допускалъ волъ ниспадать все ниже и ниже въ область началъ земныхъ и чувственныхъ. Такъ образовалось язычество, которое, переходя отъ соблазна къ соблазну, — отъ соблазна страстной воли къ соблазну ослъпленнаго ума, — дошло, наконецъ, до совершеннаго разложенія, умственнаго и нравственнаго.

Наконецъ, — третій моментъ, — истерзанное роковыми слѣдствіями вѣковыхъ религіозныхъ заблужденій, томимое муками неудовлетвореннаго, но и не прекращающагося, духовнаго исканія, язычество, какъ евангельскій блудный сынъ, смутно чувствуетъ потребность возвратиться въ домъ Отца, нѣкогда имъ покинутый, и хотя оно уже утратило положительный идеалг этой желанной жизни въ отчемъ домѣ, но зато тѣмъ отчетливѣе выступала въ немъ отрицательная сторона этого идеала — сознаніе того, чтомъ не должна быть жизнь по идеалу. Отсюда чуткая воспріимчивость язычниковъ къ проповѣди Евангелія и обращеніе къ новой жизни, какъ единственный выходъ изъ тѣхъ роковыхъ коллизій, изъ которыхъ слагалась ихъ "трагедія вѣры".

Всмотримся въ указанные моменты исторіи язычества ближе, руководясь прямымъ и точнымъ смысломъ ученія апостола Павла.

I.

Язычники нъкогда знали Бога.

(Римл. I, 19-21a).

Язычники нюкогда знали Бога (γνόντες τὸν Θεὸν, ст. 21): вотъ первая истина, которую намъ должно утвердить предъ своимъ сознаніемъ. Говоря строго, для конкретно-историческаго пониманія, приникнутаго библейско-теистическою идеею исторіи, здісь ніть и быть не можеть не только сомніній, но даже и вопроса. Въ самомъ дълъ, въдь, съ библейскотеистической точки зрвнія, исторія человвчества началась не язычествомъ. Напротивъ, язычество выступаеть въ исторіи сравнительно очень поздно (съ момента призванія Богомъ Авраама), и хотя Авраамъ, въ смыслѣ внѣшне-этнологическомъ или племенномъ, является выдёленіемъ изъ язычества, съ которымъ онъ быль связанъ связью телеснаго рожденія и родства, — какъ бы его отложеніемъ, однако, въ смыслѣ духовномъ, отложеніемъ является именно язычество: ко времени Авраама язычество, въ смыслъ совокупности религіозныхъ и нравственныхъ заблужденій и навыковъ, оказалось элементомъ, настолько несогласнымъ съ истинною вфрою первобытнаго человъчества (представителемъ котораго является именно Авраамъ), настолько инороднымъ въ сравненіи съ нею и настолько ей чуждымъ, что неизбѣжно должно было подпасть выделенію и какъ бы духовному отсеченію. Но если, такимъ образомъ, язычество есть вторичное явление въ религіозной исторіи человічества, то ясно, что язычники, проникаясь мало-по-малу своими специфически-языческими элементами, не могли, однако, не знать той истинной основы боговъдънія и богопочитанія, которою держалась религія первобытная.

Итакъ, язычество первоначально знало Бога и — знало знаніемъ истиннымъ. Однако, выступивъ изъ первоначальнаго общенія истинной въры и жизни, оно мало-по-малу, и все въ большей и большей степени, стало утрачивать это свое первоначальное знаніе о Богъ. На мъсто традиціонно-

устойчиваго внѣшняго наученія, изъ рода въ родъ передававшаго начала истинной религіи, теперь вступали, сравнительно уже менѣе устойчивыя и опредѣленныя, указанія и внушенія внутреннихъ духовныхъ инстинктовъ природы человѣческой. Историческія основы религіи все болѣе и болѣе стали замѣняться теперь, допускавшими несравненно болѣе широкое и произвольное толкованіе, основами психологическими, въ ихъ двухъ главныхъ формахъ: а) въ формѣ непосредственно-интуитивнаго знанія о Богѣ въ природѣ и человѣческомъ духѣ, и б) въ формѣ свидѣтельства нравственнаго сознанія или совѣсти.

а) Весьма замѣчательно, что, восходя мыслію къ началу язычества и останавливаясь на томъ, что язычники могли бы знать о Богь, если-бы какъ должно воспользовались оставшимися средствами богопознанія, апостоль Павель усвояеть имъ сравнительно высокую форму религіознаго знанія. Поздиве язычники достигнуть такого безпомощнаго состоянія, что въ мір'в ясныхъ и очевидныхъ откровеній Божінхъ будуть бродить какъ въ потемкахъ, полагаясь подобно слъщамъ, не на зръніе, но лишь на низшее изъ чувствъ — осязаніе 2). Но теперь, въ началъ своей исторіи, они еще владъють истиной (ст. $18 - \dot{\alpha} \lambda \dot{\eta} \vartheta \epsilon \iota \alpha$), которая въ зародышт предобразована въ самомъ человъческомъ духъ и, при благопріятныхъ условіяхъ, выступаеть къ свъту сознанія. Ибо, хотя Богь по существу Своему непостижимь, но нъчто все же можно знать о Немъ, и то, что о Немъ можно знать $(\tau \grave{o} \ \gamma \nu \omega \sigma \tau \grave{o} \nu \ \tau o \tilde{v} \ \Theta \epsilon o \tilde{v}$, ст. 19) человъку, даже и язычнику, нътъ надобности искать внъ себя, потому что это дано въ немъ самомъ $(\tilde{\epsilon} \nu \ \alpha \upsilon \tau o \tilde{\iota} \varsigma)$ — дано ясно, какъ свътъ солнечный (φανερόν ἐστι) и неотразимо-принудительно, какъ откровеніе самого Бога (δ Θεός εφανέρωσε), а не какъ произвольное утвержденіе, или шаткая догадка человъка: разумное Божіе явь есть вз нихз, Богз бо явилз есть имз. Какая глубина и точность анализа! Что людямъ можно знать о Богъ, — явт есть вз нихз. Назовемъ ли мы Бога Первопричиною, или верховнымъ Разумомъ, или всемогущею Силою, или преизобильнымъ Благомъ и Любовью, —понятія для всъхъ этихъ названій мы возьмемъ изъ своего собственнаго сознанія, въ которомъ они заложены съ непререкаемою очевидностію, потому что въ нихъ осуществляется вся жизнь нашего

сознанія и безъ нихъ оно было бы темно, хаотично и, слѣдовательно, какъ именно человѣческое сознаніе, въ сущности не существовало бы. Но разъ эти понятія даны людямъ, даны въ нихъ самихъ, то и не обращаясь вовнѣ, но просто лишь продумавъ до конца эти понятія, человѣкъ долженъ прійти къ тому, что можно знать о Богѣ.

Однако, чтобы это внутреннее и непосредственное знаніе о Богъ имъло не субъективно-личную только достовърность, но и объективно-всеобщую убъдительность, Богъ, со времени созданія міра, открыль въ немъ Свои невидимыя свойства и совершенства (ст. 20), такъ что тому, кто сталъ бы утверждать, что онъ не находить никакого явнаго свидетельства о Богв въ себв самомъ, въ своемъ сознании и личной жизни, достаточно было бы указать на внёшній міръ, въ которомъ невидимое Божіе предстоить вдумчивому взору (τὰ ἀόρατα καθοράται) въ наглядно-созерцаемой, какъ бы въ тълесной формъ: смотри, — такъ можно было бы сказать такому человъку, — вотъ непререкаемое и общеочевидное свидътельство о Немъ⁸), вотъ проявление Его въчной силы, вотъ отблески Его идеально-божественныхъ совершенствъ! Но, конечно, указаніе на откровеніе въ мір'в в'ячной силы Божіей не имъло бы никакого смысла для человъка, который быль бы способень искать удостовъренія въ существованіи этой силы исключительно осязаніемъ: для осязанія и вообще для внівшняго чувства всякая сила есть лишь предёль, за которымъ начинается неизвъстное и непроницаемое. Точно такъ же и указанія на отблески въ мірѣ божественныхъ совершенствъ и на ихъ идеальную возвышенность надъ всемъ космическинатуральнымъ не имъло бы никакой убъдительности и даже смысла для человъка, который быль бы способень измърять всъ и всякія явленія и отношенія исключительно масштабомъ ихъ вреда или пользы, удовольствія или страданія. Если же апостоль столь рышительно заявляеть о безотвытности язычниковъ въ виду указаній на открывающіяся въ твореніяхъ міра божественныя силу и совершенства, то, очевидно, онъ усвояеть имъ способность къ высшему роду религіознаго знанія, — проникнутому мыслью умственному или, какъ говорятъ философы, интеллектуальному созерцанію откровеній Божества въ міръ.

Итакъ, когда апостолъ говоритъ, что язычники некогда

знали о Богѣ, то онъ усвояетъ имъ не какое-либо безпочвенно-шаткое и неопредъленно-гадательное знаніе, но знаніе устойчивое и вполнѣ опредѣленное, — вкорененное въ основныхъ элементахъ и формахъ душевной жизни человѣка и развитое въ цѣлую, умственно созерцаемую картину.

б) Если, обладая, въ столь высокой степени, внутреннею способностію и внъшнею возможностію знать Бога, язычники, - какъ это случилось впоследствіи, - не осуществили этой возможности и не воспользовались своею способностію; то это произошло единственно вследствіе того, что они содержали истину въ неправдъ и подавили ею (ст. 18). Правда жизни, нравственная правда есть, въ самомъ дълъ, непремѣнное условіе познанія истины. И это не потому только, что нравственный законъ есть внутреннъйшее откровеніе природы и совершенствъ Божінхъ, но и потому, что какъ существуеть нравственность жизни, такъ точно существуеть и нравственность мысли, познанія и мышленія (искренность, осторожность, настойчивость или постоянство исканія и т. д.), нарушеніе которой неизб'яжно влечеть за собою ошибки и заблужденія, — какъ вообще, такъ и въ области богопознанія въ частности. И воть эти-то требованія элементарной правды мысли, а следовательно и жизни язычники опять-таки были способны и имъли полную возможность знать, ибо они знали законъ нравственный и обладали непогрешительнымъ средствомъ въ каждомъ данномъ случав, тотчасъ же и безощибочно, ръшить, върна ли ихъ жизнь этому закону, или уклоняется отъ него.

Язычники должны знать нравственный законь: ибо доло закона у них написано вз сердцах (Римл. 2, 15). Не законь вообще и не опредъленный, Мочсеевь законь въ частности (νόμος), но именно доло закона (τὸ ἐργον τοῦ νόμου) написано въ сердцахъ язычниковъ. Что разумѣеть здѣсь апостоль подъ дѣломъ закона? Прежде всего, очевидно, не внѣшній результать его выполненія, ибо въ такомъ случаѣ дѣло закона никакъ и ни въ какомъ смыслѣ не могло бы быть написано въ сердцахъ. Остается, слѣдовательно, разумѣть подъ дѣломъ закона лишь его внутреннее дъйствее или, выражаясь отвлеченно-философски, его цсихологическую функцію. Въ чемъ она состоить? Во-первыхъ, въ томъ, что нравственный законъ нормируеть умъ (почему тотъ же апо-

столь и называеть его иначе закономь ума $(\delta \ \nu \delta \mu o \varsigma \ \tau o i)$ $\nu o \acute{o} s$, 7, 23), указывая ему форму или, по крайней мъръ, общее направление нормальных отношений къ сущему, начиная отъ Творца и до ничтожнъйшихъ тварей. Во-вторыхъ, функція нравственнаго закона выражается въ томъ, что онъ нормируетъ волю, нося въ себъ самомъ указаніе на свой верховный источникъ и непререкаемый его авторитеть: указаніе на волю Божію, какъ на источникъ нравственнаго закона (законз Божій, 7, 22 и др.), является для воли человъческой могущественнъйшимъ мотивомъ къ его исполненію. Нормальное устроеніе ума и безусловная мотивація воли — вотъ, слъдовательно, то "дъло закона", о которомъ говорить апостоль. И это "дело" написано не въ какой-либо другой силь или способности духа, но именно въ сердць, такъ какъ чувствованіе должнаго отношенія къ сущему есть наиболье общій факть душевной жизни, всьмь равно свойственный, безъ различія возраста и степени умственнаго развитія. Сердце есть средоточіе духовной жизни, въ которомъ элементарные процессы ума, воли и чувства находятся еще въ первоначальномъ единствъ и непосредственной внятности, и вотъ почему то, что написано въ сердцъ, написано письменами самыми удобочитаемыми и вразумительными.

О томъ, что "дело закона" написано у язычниковъ въ сердцахъ, имъ свидотельствует совость их и мысли их, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую (ст. 15). Сов'єсть есть первичная, то-есть не опосредствованная какими-либо разсудочными выводами или доводами и не опирающаяся на мнънія другихъ, но основанная единственно на непосредствовнутреннемъ сознаніи нравственнаго закона оцінка человікомъ своихъ дъйствій, намереній, мыслей, словомъ — всей своей жизни сообразно съ этимъ единымъ неподвижнымъ нравственнымъ критеріемъ. Эта оцінка проявляется въ двухъ главныхъ формахъ: то какъ самообвинение (мысли обвиняющія), то какъ радостное сознаніе исполненнаго закона (мысли оправдывающія). Подобно тому, какъ въ состояніяхъ тяжелаго теоретическаго сомнинія, поверхность нашей душевной жизни бываетъ возмущена противоборствующими волнами (чемъ и обусловливаются всемъ известныя "муки сомненія"), такъ точно, и еще въ большей степени, и въ случаяхъ нравственныхъ колебаній, мысли обвиняющія или оправ-

дывающія одна другую, какъ волны, воздымають наше сознаніе, сосредоточивая все наше вниманіе и всю душевную энергію на тревожномъ вопросъ. И какъ тамъ — только чувство умственной удовлетворенности, называемой достов рностію, возстановляеть душевное спокойствіе, такъ и здісьтолько достигнутый миръ съ совъстію исполняетъ душу радостію внутренняго довольства и успокоенія на отрадномъ сознаніи, что нравственная коллизія разрешена какт должно. Тому, кто сказаль бы, что онъ не знаеть "дёла закона" и никакія письмена, начертанныя въ сердцъ, ему не говорять о немъ, - тому достаточно было бы указать на фактъ совъсти, чтобы слълать его безотвътнымъ. Какъ въ тълесной жизни болъзненные симптомы призывають наше внимание къ общему состоянію нашего организма, такъ и въ жизни духовной борьба мыслей, то обвиняющихъ, то оправдывающихъ одна другую, уже сама по себъ служитъ симптомомъ нравственной неустроенности, а въ дальнъйшемъ анализъ симптомомъ радикальной поврежденности, въ силу которой человъкъ дълаетъ не то добро, которое знаетъ и котораго хочеть, но то зло, котораго не хочеть.

Итакъ, язычники должны знать и дъйствительно знаютъ путь правды, и воть почему, даже и не импя положительнаго закона, они дълают законное, дълають по природъ, являясь сами себт законому (ст. 14). И если бы они всегда и неуклонно ходили путемъ правды, если бы выполняли написанное въ ихъ сердце "дело закона" и не подавляли истины неправдою (Р. 1, 18), то они устояли бы въ той истинъ богопознанія, которою обладало первобытное человічество, которой служили Авраамъ (еще до завъта съ Богомъ), Мельхиседекъ, Іовъ и многіе другіе не только въ древнее, но и въ позднъйшія времена — всь ть, "боящіеся Бога" и поступающіе по Его правдь, которые, къ какому бы народу они ни принадлежали, пріятны Богу (Дівн. 10, 35) 1). Эти примеры показывають, на какой высоте духовнаго устроенія могло бы стоять челов'вчество, если бы оно какт должно воспользовалось хотя бы только естественными средствами богопознанія, и на какой высот'в действительно стояло первоначальное человичество, о которомъ апостолъ говоритъ, что оно знало Бога.

II.

Психологія отпаденія язычниковъ.

(Римлян. 1, 216-32.)

Нормальное устроеніе духовной жизни характеризуется совершеннымъ отсутствіемъ раздвоенности между вёрою и жизнью, между теоретическими уб'єжденіями и практическою настроенностію. Такой опредёленности и ц'єльности, такого июломудрія (въ классическомъ смысл'є этого слова) особенно требуеть жизнь религіозная. Ею и отличаются вс'є такъ называемые "герои в'єры": Авраамз пребылз твердз вз вторт и воздалз славу Богу (Римл. 4, 20). Но язычники не такъ: они, познавз Бога, не прославили Его, какз Бога, и не возблагодарили. Н'єчто недолжное, такимъ образомъ, вступило въ языческое сознаніе, и въ немъ открылся разрывъ.

Что въ этомъ именно лежало начало отпаденія язычества отъ истиннаго богопознанія, что именно это было $\pi \varrho \dot{\omega} \tau o \nu$ $\psi \epsilon \tilde{\imath} \delta \sigma_{\mathcal{S}}$ язычества, — это апостоль лишь отмъчаеть какъ нъчто самопонятное, не сопровождая свое указаніе никакими поясненіями и доказательствами. И действительно разъяснять и доказывать здёсь нечего. Дёло ясно само по себё и само себя изобличаеть въ неправдъ. Въ самомъ дълъ, кто проникнутъ созерцаніемъ славы Божіей, отблесковъ идеальносвътоносной божественности на чудесахъ мірозданія, тоть какъ можетъ не воздать славы Богу, содъйствуя и съ своей стороны, насколько отъ него зависить, явленію этой славы, въ своей мысли и жизни, въ своихъ намъреніяхъ и дъйствіяхъ? Кто глубоко и искренно проникнуть мыслью о въчной силь Божіей, все воззвавшей къ бытію и всемь управляющей, тотъ какъ можетъ не возблагодарить Бога, своего Творца и Промыслителя? Съ теоретической точки зрвнія, прославление и благодарение, - эти двъ основныя черты богопочитанія или религіознаго культа, — суть логически-необхо-димыя слюдствія истиннаго познанія Божіихъ славы и силы, а съ практической — прямыя нравственныя обязанности. Итакъ, не прославивъ и не возблагодаривъ Бога, изначала познаннаго познаніемъ истиннымъ, язычники темъ самымъ доказали уже и свое неразуміе и отсутствіе истиннаго нравственнаго благородства (ибо неблагодарность — одна изъ самыхъ низкихъ свойствъ человъческой души)⁵).

За началомъ отпаденія послідовало его естественное и неизбѣжное продолженіе: перестановка центра духовной жизни. Если, познавъ Бога, язычники не прославили и не возблагодарили Его, то это значить, что фактически ихъ знаніе о Богѣ уже потеряло теперь надъ сознаніемъ словную власть, перестало быть единымъ опредъляющимъ началомъ духовной жизни и замѣнено другимъ началомъ. Въ самомъ дълъ, кто глубоко и искренно въруетъ въ Бога и неложно служитъ Ему, для того Богъ есть не только Творецъ-Промыслитель міра и Царь открывающейся въ немъ славы, но вмъстъ съ тъмъ и единый Источникъ внутренней, духовной жизни: Идеалъ разума, Первообразъ духовной красоты и Нравственный Законодатель. Но у кого въ религіозную жизнь вторглось раздвоеніе и коренная ложь, тоть уже перестаеть руководствоваться въ своей жизни единымъ и верховнымъ Идеаломъ истины, погружаясь въ умствованія суетныя и пустыя; у того сердце утрачиваеть свою чуткость къ первозданной красотъ тварей и омрачается; тотъ, наконець, самь становится своимъ законодателемъ и, гордясь своею мудростію, тѣмъ самымъ изобличаетъ свое близорукое юродство. Словомъ, мъсто богоуставленныхъ началъ жизни, неизбъжно ослабъвающихъ и даже какъ бы совершенно угасающихъ въ человъкъ вслъдъ за вторженіемъ въ его религіозную жизнь лжи, неискренности и раздвоенности, заступають начала самоизмышленныя и произвольно-личныя. Благотворная теономія сміняется гибельною для истинно-духовной жизни автономією. Такъ именно и случилось съ язычниками: они осуетились вз умствованіях своих, и омрачилось несмысленное их сердце и, называя себя мудрыми, они обезумьли.

Сообразно тремъ сторонамъ духовной жизни и тремъ относительно-самостоятельнымъ ея центрамъ, отпаденіе язычества, въ его дальнъйшей исторіи, совершается тремя различными путями, которые приводять къ тремъ основнымъ типамъ языческихъ религій. Преемственность выступленія этихъ типовъ въ исторіи язычества опредъляется психологическимъ закономъ ихъ смѣны въ индивидуальномъ сознаніи. Всего доступнѣе искушенію подвижное и неустойчивое чувство: соблазнъ чувственной красоты — наиболѣе могущественный изъ всѣхъ соблазновъ, и, потому, прежде всего, совершилось измѣненіе омраченнымъ сердцемъ славы Божіей, подмѣна духовной красоты чувственною (ст. 22—24). За этимъ первымъ соблазномъ послѣдовалъ второй — соблазнъ ума, замѣнившаго мысль о Творцѣ и религіозное служеніе Ему мыслью о твари, какъ самоисточномъ началѣ жизни, и служеніемъ ей (ст. 25—27). Наконецъ, — крайняя степень отпаденія, — гордая своею "автономностью" воля, поддавшаяся соблазнамъ порока и утратившая всѣ и всякіе нравственные критеріи, увлекла человѣка въ область мерзкаго и мерзостнаго культа олицетворенныхъ человѣческихъ пороковъ (ст. 28—32). Такъ опредѣлились три основныхъ формы язычества — съ преобладаніемъ мотивовъ эстетическихъ, раціоналистическихъ и ложно-моралистическихъ.

Прежде всего язычники подмѣнили истинное и самосвѣтящееся сіяніе нетлінной славы Божіей обманчивымь блескомъ призрачной и преходящей тварной красоты. Внъшнимъ явленіемъ славы Божіей, откровеніемъ возвышенно-идеальныхъ божественныхъ совершенствъ ($9 \epsilon \iota \acute{o} \tau \eta \varsigma$), служитъ такъ называемая космическая красота, которая предлежить нашему созерцанію въ безконечномъ разнообразіи конкретныхъ явленій природы, начиная отъ красоты звъзднаго неба и до красоты полевой лиліи, мыслится же нами въ двухъ основныхъ аспектахъ: какъ дивная гармонія мірового цёлаго и какъ совершеннъйшее приспособление другъ къ другу его отдъльныхъ частей въ качествъ взаимнообусловливающихъ средствъ и цълей. Въ этихъ двухъ основныхъ своихъ аспектахъ космическое явленіе славы Божіей должно служить, и дъйствительно служить въчною и неисчерпаемою задачею художественнаго возсозданія (принципъ всякаго истиннаго искусства) и предметомъ философскаго размышленія (предметь истинной философія). Исполняя душу чувствомъ высокаго, космическая красота, своимъ тихимъ и непосредственнымъ, но неотразимымъ и властнымъ, дъйствіемъ смиряеть гордость человъка, утишаетъ буйство его желаній и вводить въ норму его мечты. При такомъ условіи и действіи на душу, созерцаніе космической красоты, какъ именно откровенія славы Божіей, является однимъ изъ элементовъ и въ истинной религіи, всегда обращающей нашъ взоръ на красоту природы: небеса повъдают славу Божію. Но язычники, едва ставъ на этотъ путь созерцанія Бога въ чудесахъ и красотв природы и совсъмъ не утвердившись въ немъ, уже покинули его: ихъ

омраченное и несмысленное сердце измюнило славу нетлюннаго Бога вт образт, подобный тлюнному человоку, и птицамт, и четвероногимт, и пресмыкающимся. Потерявъ истинный критерій красоты и увлекаясь красотою обманчивою, какъ путникъ блуждающимъ огонькомъ, оно ниспадало все ниже и ниже до тѣхъ поръ, пока не стало воображать себѣ Божество подобнымъ мерзкимъ пресмыкающимся. Но когда отпаденіе достигло этого крайняго предѣла, тогда со всею силою обнаружилась и правда Божія — въ его слѣдствіяхъ: и предалт ихт Богт вт похотяхт сердецт ихт нечистоттю, такъ что они сквернили сами свои тъла. Возмездіе праведное: чѣмъ согрѣшили язычники, тѣмъ они и наказаны, — поклонились, какъ Богу, низкой и нечистой твари, ей же и уподобились своею скверной нечистою!

Безмърнымъ неразуміемъ было уже и то, что язычники усвоили славу нетлъннаго Бога тлънной твари. Однако психологически этотъ процессъ все же до нъкоторой степени понятенъ и объяснимъ: ибо тварь, хотя и тлънная, все же носить на себъ отблески несозданной красоты и разума, -преимущественно въ красотъ богоподобнаго образа человъческаго, дёлающей, такъ сказать, нечувствительнымъ переходъ отъ славы нетленной къ красоте преходящей, но также и въ красотъ другихъ тварей и явленій природы. Но уже совстить непостижимо, какъ язычники самодостаточное и самоисточное всемогущество Божіе ("вѣчная сила") подмѣнили условно-зависимымъ и столь очевидно безпомощнымъ тварнымъ существованіемъ. Всемогущій Первовиновникъ твари, все содержащій въ Своей власти, на все изливаеть Свои дары: воть "истина Божія" (ст. 25). Но эту истину Божію язычники заменили "ложью" (ibid.), когда, вместо Творца, поклонились и стали служить твари. Тотъ потокъ силы и жизни, который захватываеть тварь, проявляясь въ неистощимых рожденіяхь и прочихь проявленіяхь жизни, — этоть потокъ не самоисточный, но истекаетъ отъ силы Божіей. Еще менте самостоятельны отдельныя твари. Какое же посрамленіе для человъка, для его разума, распростираться ницъ предъ условнымъ и несамостоятельнымъ, какъ бы предъ самою въчною силою Божіею! И опять, и въ данномъ случав, язычники наказываются именно твмъ, чвмъ согрвшили. Доведенные своими суетными умствованіями до обоготворенія вегетативно-генитальныхъ процессовъ природы, вмѣсто Творца и Его вѣчной силы, они, по закону правды Божіей, заложенному въ самыхъ законахъ природы, какъ физической, такъ и духовной, наказаны именно тѣмъ, что естественное употребленіе этихъ процессовъ превратили въ противоестественное, получая, такимъ образомъ, должное возмездіе въ самихъ себъ за свое заблужденіе.

Нечистота и растлъніе, физическое и нравственное, въ большей или меньшей степени, присущи всемь вообще формамъ язычества, — язычеству съ преобладающими ложноэстетическими мотивами, точно такъ же, какъ и язычеству раціоналистическому. Возможны, однако, и действительно извъстны въ исторіи формы язычества, въ которыхъ нечистота и нравственные пороки не только фактически существуют, какъ неизбъжное и достойное безконечныхъ сътованій возмездіе за уклоненіе омраченнаго сердца и суетнаго ума въ заблужденія (при чемъ все же остается сознаніе, что это есть нъчто не должное), но, такъ сказать, возводятся въ принципъ, признаются чъмъ-то должныма, естественнымъ и нормальнымъ, такъ что язычники не только сами совершають постыдныя діла, но и долающих одобряют (ст. 32). Это уже крайняя ступень отпаденія, очевиднійшее доказательство того, что умъ, утратившій мысль о Богь, опустошенный и обращенный исключительно на самого ръшительно не способенъ съ надлежащею отчетливостію отличать нравственно-должное и дозволительное отъ недолжнаго и преступнаго. И здъсь опять праведное возмездіе: и какт они не заботились имьть Бога вт разумь, то предалт их Бог превратному уму дълать непотребства (ст. 28). Въ числъ этихъ непотребствъ, многочисленныхъ и весьма разнообразныхъ (ихъ апостолъ перечисляетъ вслёдъ за приведенными словами), мы находимъ два особенно характерныхъ: богоненавистничество и самохвальную гордость. Исихологическая связь основныхъ моментовъ, которыми здёсь отмеченъ процессъ этого крайняго отпаденія, этой последней ступени въ жизни языческаго сознанія, естественна и вполнт очевидна: простое забвение Бога неизбъжно превращается въ богоненавистничество, когда самохвальная гордыня человъка, въ своемъ крайнемъ ослъплении, признаетъ достойнымъ одобренія то, что праведный судь Божій призналь достойными смерти (ст. 32). Гордость, на крайней ступени своего развитія, не терпить иныхъ критеріевъ и иной оцѣнки своихъмыслей, настроеній и дѣяній, помимо той, какую устанавливаеть она сама. Уже простое напоминаніе о возможности иныхъ критеріевъ оцѣнки, хотя бы они облечены были высшимъ авторитетомъ, ей противно и ненавистно. И воть предънами богоненавистничество со стороны ослѣпленной самохвальствомъ языческой гордыни!

Надъ язычествомъ, въ его исторіи, оправдался въчный законъ духовной жизни: тому, кто имъетг, дано будетг и пріумножится, а кто не импеть, у того отнимется и то, что импета (Мв. 13, 12). Язычникамъ, въ ихъ первоначальномъ знаніи о Богь, дано было достаточно для того, чтобы, восходя отъ въры въ въру (ст. 17), подобно типичному выразителю первоначальной въры, Аврааму, подобно ему же жить и быть живыми ею. Но ихъ πρώτον ψε \tilde{v} δος небреженіе тімь, что, какь прямую обязанность, налагало на нихъ ихъ знаніе о Богъ, т.-е. небреженіе культомъ, въ его двухъ основныхъ формахъ, славословіи и благодареніи, эта роковая ошибка, столь богатая гибельными следствіями, въ концъ концовъ собрала на ихъ голову инъез Божій, открывающійся ст неба на всякое нечестіе и неправду человпковт, подавляющих истину неправдою (ст. 18). Не въ громахъ и молніяхъ и не въ какихъ-либо другихъ грозныхъ знаменіяхъ природы открылся язычникамъ этотъ страшный гивьъ Божій, но — въ нихъ самихъ, въ ихъ сердцахъ, и помыслахъ, и во всей ихъ богомерзкой жизни. Когда богопреданность, отличавшая лучшихъ людей человъчества, исторически предшествовавшаго отпаденію язычества, смінилась у язычниковъ богоненавистничествомъ, тогда отъ ихъ жизни осталась лишь форма, даже и по внёшнему виду иногда человъку совсъмъ непристойная: наступило торжество надъ духомъ плоти, въ ея низменныхъ вегетативно-животныхъ проявленіяхъ.

III.

Томленіе язычниковъ по истинномъ Богъ.

Язычество есть *пожь* (ст. 25). Однако, чистою ложью назвать его нельзя. Чистая ложь вообще есть понятіе нефилософское в). Въ частности это понятіе совсѣмъ неприло-

жимо къ такимъ явленіямъ духовной жизни, которыя, какъ язычество, своею вѣковою стойкостію доказывають, что они связаны съ мыслію и жизнію не только отдѣльныхъ людей, но поколѣній, цѣлыхъ народностей и, наконецъ, всего человѣчества многими и многообразными питями. И дѣйствительно апостолъ не считаетъ язычество чистою ложью. Подъ вѣковыми наслоеніями заблужденій онъ видитъ въ немъ зерно истины и подъ нравственнымъ омертвѣніемъ слышитъ прозябаніе добрыхъ ростковъ — въ формѣ стремленія къ истинной религіи и истинному Богу.

Если мысль апостола выразить сравненіемъ, то язычника можно уподобить именно евангельскому "блудному сыну", который, совсёмъ не зная условій жизни въ далекихъ и невъдомыхъ ему странахъ, но увлекаемый единственно жаждою новизны и наслажденій, пустился въ далекій путь. Начались безконечныя блужданія, полныя опасностей; всякія и всяческія уклоненія отъ нормъ жизни; сожальнія, муки, томленіе, не говоря уже о лишеніяхъ всякаго рода. При этомъ образовались дурные навыки ума и воли и, среди этихъ скитаній, человъкъ дошель, наконець, до того, что не только утратилъ живое воспоминание о прежней жизни въ домъ отца, но и вообще пересталь представлять возможность иной жизни. И все же, когда онъ случайно видель картины, подобныя покинутымъ дома, когда слышалъ голоса, хотя бы лишь отдаленно-напоминающие голось отца, — былыя чувства поднимались въ немъ, и онъ узнавалъ, тотчасъ же и непосредственно, и эти картины и эти голоса, начиналь и тосковать и радоваться, и стремиться къ возврату въ прежнюю жизнь.

Трагизмъ жизни язычества заключается въ томъ же, въ чемъ заключается и трагизмъ всякаго глубоко павшаго, но искренняго человъка: въ своихъ грубыхъ суевъріяхъ и мерзостныхъ культахъ язычникъ переживаетъ не то, чего внутренно желаетъ и чему могъ бы внутренно радоваться, но то, чего не желаетъ и отъ чего страдаетъ. И онъ могъ бы сказатъ, какъ несомнънно и говорили всъ, обратившіеся изъ язычества въ христіанство, — съ большею или меньшею степенью сознательности и искренности, — вмъстъ съ апостоломъ: не то дълаю, что хочу, а что ненавижу, то дълаю (Р. 7, 15). Обычная въ трагедіяхъ борьба между со-

знаніемъ должнаго и роковымъ фактическимъ подчиненіемъ недолжному развертывается предъ нами и здёсь, въ исторіи язычества. И общее моральное действіе, какъ на самого "героя" трагедіи (язычника), такъ и на ея зрителей, и здёсь, въ сущности, то же: сознание безпомощности человъка своими силами выйти изъ этой роковой коллизіи, и вытекающая отсюда потребность въ высшей, освободительной силъ. Такова, какъ извъстно, и была конечная цъль апостола Павла, когда онъ говорилъ и писалъ о язычествъ: ставя предъ сознаніемъ своихъ слушателей и читателей (язычниковъ или христіанъ изъ язычниковъ) предносившійся его богопросвѣщенному взору образъ язычества, съ чертами не многочисленными, но ярко и ръшительно намъченными, онъ именно хотълъ пробудить въ нихъ сознаніе недостаточности естественныхъ силъ человъка для истинно-религіозной жизни и потребность въ благодати христіанства, бичуя при этомъ ложь язычества и опираясь на тѣ крупицы истины, которыя находиль подъ оболочкою лжи.

Но что же именно въ язычествъ есть ложо и въ какой формъ сохранились въ немъ остатки истины?

Коренная ложь язычества, какъ мы теперь знаемъ, состоитъ въ обоготвореніи твари. Языческіе боги, какъ образы фантазіи, отміченные именами, или созданія искусства, грубаго ли то или изящнаго (идолы) — совсемъ ничто, обманъ и призракъ, разлетающійся отъ простого дуновенія ⁷). Но такъ какъ никакая фантазія и никакое человъческое искусство не могутъ творить изъ ничего, то и здъсь, въ этихъ, чуждыхъ реальности образахъ божествъ, анализъ долженъ открыть некоторые реальные элементы. Какіе же это элементы? Всякій образъ божества, — такова въ самой общей и отвлеченной формъ мысль апостола, - есть произведение двухъ производителей: непреодолимаго религіознаго инстинкта, съ одной стороны, и природно-стихійной основы, — съ другой. Повинуясь внутреннему религіозному влеченію, язычники, по апостолу, шли къ своимъ безгласными идолами, каки бы ведомые насильно (1 Кор. 12, 2). Несомненно они и творили ихъ, повинуясь той же непреодолимой потребности, пробуждаемой религіознымъ инстинктомъ. Съ другой стороны, при радикальномъ забвеніи язычниками объ истинномъ Богь и Его духовныхъ совершенствахъ, матеріаломъ для построенія

образовъ ложныхъ божествъ имъ могли служить, очевидно, лишь элементы (Галат. 4, 9 — τὰ στοιχεῖα) природной жизни, въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ и формахъ, отъ человѣка до косныхъ міровыхъ массъ (свѣтила небесныя). Такъ какъ, однако, едва мерцающая въ глубинѣ человѣческой души искра божественнаго свѣта и слабо прозябающіе ростки живого религіознаго инстинкта не способны просвѣтить темноту и побѣдить мертвую косность природныхъ "стихій", то язычникъ, прилѣплявшійся духовно къ своимъ идоламъ, естественно погружался въ этотъ мірт (1 Кор. 2, 12 и др.), образуя какъ бы одинъ изъ его элементовъ или членовъ, почему и само язычество называется въ Писаніи міромх³).

Подпаденіе язычества космическимъ началамъ и обусловленная этимъ жизнь по законамъ природы, а не по законамъ духа, — эта первая ложь уже сама по себъ вела язычество къ нравственному разложенію: классическое ямы и піемъ, утрь бо умрема (1 Кор. 15, 32), возводящее въ принципъ жизни единственно чувственное наслаждение, не сдерживаемое никакими идеальными мотивами и ограниченіями, является лишь однимъ изъ многихъ выводовъ, вытекавшихъ изъ безраздельнаго подчиненія языческаго сознанія началамъ сліпой и темной космической жизни. "Безсловесные", т.-е. не способные давать истинныхъ откровеній и вразумленій, идолы нисколько не могли, конечно, при этомъ помочь своимъ чтителямъ выбираться изъ тьмы, въ которую ихъ вовлекло служение немощными и бъдными вещественными стихіями. Но ко всему этому присоединилось еще другое и горшее эло: подпаденіе язычниковъ власти и кознямъ сатаны и его воинства 9).

Подпаденіе язычества власти и вліянію демоновъ есть неизбъжное слъдствіе ихъ отпаденія отъ Бога, и апостоль предполагает этотъ факть — мистическое воздъйствіе со стороны темныхъ силь на язычниковъ — какъ нѣчто самопонятное. Но въ предупрежденіе соблазновъ мысли, которые легко могутъ выростать въ области вопросовъ этого рода и дъйствительно, уже и при первомъ явленіи христіанской проповъди въ мірѣ, возникали, апостоль не довольствуется общимъ указаніемъ на фактъ демонскаго воздъйствія на язычниковъ, но опредъляетъ способъ и объемъ этого воздъйствія. Намъ нужно точно поставить передъ своимъ сознаніемъ эту тонкую мысль.

Апостолъ не говорита, будто язычество есть создание де-

моновъ, будто оно, — какъ стали утверждать некоторые позднъйшіе экзегеты, не разумьющіе духа апостольскаго ученія,— "магическо-супранатуральнаго происхожденія": эта мысль радикально исключена у апостола уже однимъ тъмъ, что онъ даетъ естественно-психологическое объяснение отпадения язычниковъ. Не говорита апостолъ и того, будто языческія божества или, точнъе, идолы суть, такъ сказать, воплощенные демоны, которымъ язычники рабствуютъ, какъ безвольные рабы. Нетъ, не демонамъ они рабствуютъ, но прежде всего гръху, коренящемуся въ нихъ самихъ, въ ихъ самохвальной гордын (Рим. 6, 17). Но такъ какъ гръхъ, во всъхъ его безконечно-разнообразныхъ формахъ, свилъ себъ прочное гиъздо въ языческихъ культахъ и освященъ языческими суевъріями, то тотъ, кто служить языческимъ богамъ, темъ самымъ служитъ и демонамъ, которые всегда стоятъ на стражв около грвшнаго человъка. Говоря иначе, идолослужение есть лишь орудіе подчиненія язычниковъ демонами. Принося жертвы, язычники (въ сущности и вопреки своему намфренію) приносять бъсами, а не Богу (1 Кор. 10, 20): вотъ точная мысль апостола! Отношеніе здісь не прямое и непосредственное, не такое, которое бы сопровождалось яснымъ сознаніемъ того, что язычники чтутъ именно бъсовъ (демонослужение, если и встръчается среди безконечно-разнообразныхъ формъ язычества. то лишь какъ чрезвычайно редкое исключение), но косвенное: идолопочитаніе и идолослуженіе, — такова мысль апостола, — даетъ демонамъ средство върнъе подчинить идолопоклонниковъ своему вліянію и сдёлать ихъ какъ бы членами своего царства. И хотя, даже и при этомъ, только косвенномъ, воздъйствіи со стороны демоновъ на человъка, онъ можеть дойти до такого ослепленія ума, при которомь перестанеть различать истину оть лжи, добро оть зла, а вследствіе этого сділается уже не воспріимчивъ къ благовістію истины (2 Кор. 4, 4), — до такого состоянія и дошло язычество, взятое какъ общій типъ, предносившійся взору апостола въ своихъ коренныхъ причинахъ и логически-возможныхъ слъдствіяхъ, — однако, для отдольных людей и въ язычествъ отнюдь не исключена возможность иниціативы выхода изъ-подъ власти демоновъ къ свъту христіанской истины. Возможность такой иниціативы неотразимо и общеубъдительно доказана всемірно-историческимь фактомь обращенія язычниковъ въ христіанство и, безъ сомнѣнія, какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ (1 Кор. 5, 5), такъ и въ данномъ демонская тиранія, въ допущенныхъ самимъ Богомъ предълахъ (1 Кор. 10, 13), имѣетъ одну и единственную конечную цѣль — спасеніе духа.

Здёсь мы достигаемъ того пункта, на которомъ намъ ясно открывается конечная цёль исторіи язычества и ея выстій смыслъ. Богъ "произвелъ весь родъ человъческій для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредёленныя времена и предълы ихъ обитанію, дабы они искали Бога, не ощутять ли Его и не найдуть ли" (Дѣян. 17, 26-27). При этомъ, людямъ недовърчивымъ и непослушнымъ, не захотъвшимъ внимать голосу первобытной общечеловъческой традиціи, Онъ предоставиль "ходить своими путями" (Дъян. 14, 16), предавъ ихъ и своимъ страстямъ и своему превратному уму (Римл. 1, 24, 28), а чрезъ то, наконецъ, — и вліянію демоновъ. Словомъ, Онъ, предоставилъ такихъ людей (язычниковъ) вполнъ своей волъ и своей свободъ. Результать ихъ жизни по своей воль и своимъ желаніямъ былъ двоякій: вопервыхъ, удалившись отъ истиннаго Бога, они не перестали искать Его и, самымъ фактомъ идолослуженія, доказали свою неискоренимую природную богобоязненность; во-вторыхъ. именно своею безконечною смёною боговъ, они доказали, что ни однимъ ложнымъ божествомъ они удовлетворяться не могуть, что должень быть иной Богь, хотя имь и невъдомый. Такимъ образомъ, постулаты религіозной жизни, ея форма у язычниковъ вполнъ сохранилась и, хотя эта форма была въ язычествъ лишена своего истиннаго содержанія, однако, послѣ своихъ вѣковыхъ блужданій и именно чрезъ нихъ, язычники пришли, наконецъ, къ сознанію по крайней мъръ того, чъм не может и не должна быть эта искомая истина. Воздавая поклоненіе Нев'єдомому Богу (Деян. 18, 23), лучшіе язычники эпохи "исполненія временъ" стали уже и въ практику переводить то осуждение языческихъ суевърій и культовъ, которое задолго предъ темъ было высказано устами наиболе глубокомысленных философовъ. А радость язычниковъ, впервые слышавшихъ слово апостоловъ (Дъян. 14, 48 и др.), доказывала, что въ жизни по стихіямъ міра совсъмъ не было для нихъ отрады. Этимъ двойнымъ самоосужденіемъ язычества, - осужденіемъ лжи языческихъ суев рій и неправды языческой жизни, — оно само очищало себя отъ ветхихъ наслоеній лжи и неправды и открывало доступъ къ своему сердцу евангельской проповъди. Такъ самое отчужденіе язычниковъ отъ Бога служило цълямъ ихъ спасенія: встах заключил Бога вз непослушаніе, чтобы встах помиловать (Римл. 11, 32).

Заключеніе.

Образъ язычества, поставленный, въ основныхъ чертахъ, великимъ апостоломъ языковъ предъ христіанскимъ сознаніемъ, имѣетъ для него двоякое значеніе: во-первыхъ, какъ урокъ практическаго наученія и, во-вторыхъ, какъ руководство при теоретических изслюдованіях въ области исторіи язычества.

Въ первомъ отношеніи судьба язычества служить и вѣчно будеть служить для человѣчества напоминаніемъ о томъ, что человъкъ не можетъ уйти отъ Бога и, если бы, подобно язычникамъ, онъ захотѣлъ сдѣлать это, то, — если только онъ не совсѣмъ погибшая душа, — рано или поздно, послѣ долгихъ блужданій, глубокихъ нравственныхъ паденій и мучительныхъ колебаній, онъ все же захотѣлъ бы снова возвратиться къ Богу, какъ блудный сынъ къ своему желанному и, несмотря на отчужденіе, въ сущности глубоко любимому Отцу.

Во второмъ отношеніи исторія язычества, нам'вченная великимъ апостоломъ въ ляпидарно-сжатыхъ, но психологически глубоко-правдивыхъ, чертахъ даетъ историкамъ религіи и культуры незам'внимыя указанія относительно того, ч'вмъ началась жизнь языческаго сознанія и какія причины обусловливали ея ниспаденіе со ступени на ступень.

Смыслъ, открывающійся съ указанныхъ точекъ зрѣнія въ исторіи язычества, поистинѣ неисчерпаемъ, и мы не могли конечно, брать здѣсь на себя невозможную задачу раскрыть всю полноту его. Нѣтъ, мы лишь хотѣли поставить предметь предъ сознаніемъ читателя въ надлежащую перспективу. Степень же полноты его разумѣнія обусловлена мѣрою личной пріемлемости каждаго.

Примъчанія.

Общее замъчание. — Философія, въ отличіе отъ другихъ наукъ, характеризуется, во-первыхъ, тьмъ, что изслъдуеть лишь общія стороны дъйствительности, и во-вторыхъ, тьмъ, что каждый родъ предметовъ или каждую область бытія разсматриваеть ез сеязи со всею системою действительности. Сообразно съ этимъ философскій комментарій священнаго текста, въ отличіе отъ комментарія филологическаго, реальнаго (археологическаго, историческаго и проч.), церковно-догматическаго (типъ у насъ — комментаріи епископа Өеофана), характеризуется тъмъ, что, во-первыхъ, останавливается лишь на общемъ и основномо смыслё священных текстовь, оставляя во сторонё все дополнительное, второстепенное и спорное, и во-вторыхъ - темъ, что стремится поставить изслёдуемый предметь во связь съ общимъ строемъ библейско-теистическаго міросоверцанія, выраженнаго въ терминахъ современнаго намъ философскаго сознанія и языка. Въ частности, въ отношеніи къ нашему вопросу, вниманіе философа сосредоточивается, главнымъ образомъ, на общихъ и основныхъ моментахъ процесса отпаденія язычества, поскольку онъ опредёляется взаимоотношениемъ трехъ основныхъ факторовъ всякой вообще истории — началъ божескаго, человъческаго и демонскаго. Для частныхъ справокъ (филологическихъ, реальныхъ и проч.) рекомендуемъ читателю, кромв извъстныхъ комментаріевь, книжку Dr. Christian'a Rogge: Die Anschauungen des Apostels Paulus von dem religiös-sittlichen Character des Heidentums auf Grund der vier Hauptbriefe. Eine theologisch-philologische Untersuchung. Lpz. 1888. VII + 82. Книга, съ идейно-принципіальной стороны не совсёмъ ясная, но содержить много полезныхъ справокъ.

1. Несмотря на то, что о язычествъ обыкновенно говорять какъ о чемъ-то вполнъ безспорномъ и самопонятномъ, понятіе язычества далеко не можетъ быть отнесено къ числу понятій, строго и точно определенныхъ. Говоря строго, классификаліонный принципъ можеть быть здёсь только одинъ и притомъ совершенно ясный: существовала изъ начала вёка и доселё существуеть религія истинная, въ ея различныхъ формахъ (религія "первобытная", или, какъ опредъляетъ митрополитъ Филареть въ своихъ Запискаже по библейской исторіи, "завътъ дълъ", смънившаяся, послъ гръхопаденія, "завътомъ благодати"; затьмъ, во время послепотопное, истинная религІя хранилась въ "Церкви, обновленной завътомъ съ Ноемъ"; далъе сявдуетъ религія подзаконная — іудейская и, наконецт, религія новоблагодатная, христіанская); но съ теченіемъ времени изъ истинной религіи выдёлилась религія ложная (язычество, какъ (совокупность всёхъ ложныхъ религій), начало которой восходитъ уже ко времени do потопа, но которая внёшнимъ образомъ обособилась отъ истинной Церкви лишь съ призваніемъ Авраама. Язычество, въ отличіе отъ различныхъ формъ истинной религіи, характеризуется именно темъ, что оно не имъетъ истинного понятия о Боге и въ своей жизни отпало отъ Него. – Понятіе язычества, — повторяемъ, — съ этой точки эрвнія (въ сущности это единственная точка эрвнія, не вводящая путаницы) совершенно ясно и точно. Накоторые богословы, однако, не усвоивъ этой точки зрѣнія, говорять о "язычествѣ до отпаденія отъ Бога" (Heidentum vor seinem Abfall von Gott) и язычествъ пость отпаденія (см., напр., Rogge, ор. cit. S. 17). Получается такимъ образомъ очевидная, замётная уже и въ самомъ слововыраженіи нелъпость: въдь язычество, не отпавшее отъ Бога, очевидно, не есть язычество, ибо сущность язычества въ томъ именно и состоить, что оно отпало отъ Бога и утратило о Немъ истинное знаніе. А между тёмъ въ приведенномъ мивніи, если его взять съ должными ограниченіями, скрыта совершенно върная мысль. Дело въ следующемъ. До призванія Авраама были отдельные люди, которые, какъ Мельхиседекъ, царь и священникъ Бога вышняго, Авимелехъ, царь

герарскій, благочестивый Іовъ, Авраамъ (до призванія) съ племянникомъ Лотомъ, котя сами и не имъли чрезвычайныхъ откровеній, однако, руководясь истиннымъ преданіемъ, исходившимъ изъ Церкви Ноевой, хранили свои естественныя силы въ такой чистотъ и на такой высотъ, были такъ далеки отъ всего противоестественнаго, извращающаго умъ и сердце и закрывающаго слухъ для чрезвычайныхъ откровеній, что могуть быть разсматриваемы, какъ представители нормального или естестоенного человичества, въ смысли противоположности противоестественному. Это и есть то "язычество до отпаденія отъ Бога", о которомъ, съ такимъ очевиднымъ вербальнымъ самопротиворъчіемъ, говорить нёмецкій богословь. - Такимь образомь, когда мы говоримь (въ текств) о естественном человвичествв, то разумвемь именно этихъ хранителей естественныхъ (т .- е. не искаженныхъ противоестественнымъ употребленіемъ) вадатковъ истиннаго богоповнанія и нравственной жизпи, заложенныхъ въ человъческомъ духъ и поддерживаемыхъ на надлежащей высотъ истинною традиціею, равно какъ и тёми явными знаменіями божественнаго всемогущества, слукъ о которыкъ (какъ, напр., о потопъ или смъщении языковъ) проходилъ по всей землё древняго послёпотопнаго міра.

- 2. Дѣян. 17, 26—27: Сотворим есть от единыя кроес... выскати Господа, да поне осяжуть его и обрящуть, єї йоа ує упрафубліа айгду на єйось. Частинь єї йоа ує (— пит forte) съ желат. накл. обозначають весьма малую въроятность выраженной мысли. Значить, по мысли апостола, предоставленіе язычникамь самимь искать Бога осязаніемь имьло цьлію именно пробужденіе въ них сознанія недостаточности познавательныхь силь человька, отрышенныхь оть основы истинной традиціи, въ дѣль богопознанія. Низшів виды познанія, познаніе чувственное въ его различныхь формахь, могуть, конечно, имьть свою долю значенія въ дѣль богопознанія, но лишь при условіи руководства єсо стороны высшихь, точно такь же какь и высшія естественных силы человька (умь и совьсть) въ настоящемь, поврежденномь грьхопаденіемь, состояніи человька нуждаются въ руководствь со стороны сверхьестественнаго Откровенія, хотя бы оно хранидось лишь въ формь отдаленной традиціи.
- 3. Вычная сила Его и божествео фідос айтой битація най дыбтуя. Здівсь hendiadys: вычная сила божественности или божественность, открывающаяся во проявленіях вычнаю всемонущества. Однако, настанвать исключительно на такомъ именно толкованіи текста ніть побужденій. Напротивь, вы виду дальнійшихь параллелей (божественность и сила прославленіе и благодареніе отраченіе сердда и суета ума), слідуеть удержать понятія, выражаемыя указанными терминами, какъ два отдільныхь и относительно самостоятельныхь момента мысли, при чемь подъ δύναμις слідуеть разуміть именно проявленія божественнаго всемогущества, а подъ выблуя явленіе въ мірів божественной славы (ср. ст. 21 и 23 єбо́давач, ўллаўач гірч бо́дач; Псал. 18, 2: Небеса повыдають славу Божію; см. филологическій комментарій кь этому місту у Rogge, S. 9—11). Выражаясь отвлеченно-философски, слідуеть сказать, что первый терминь выражаеть динамическій моментя космоса, а второй идеально-эстетическій. См. раскрытіе этихь терминовь въ текстів, дальше.

- 4. "Боящієся Бога" собственно прозедиты врать (см. справку у г. Артаболевскаго, Первое путеществіє св. апостола Павда, стр. 198). Но ничто не препятствуєть понимать подъ этими терминами вообще тёхъ людей, — къ какому бы народу и времени они ни относились, — которые имѣли вѣру въ истиннаго Бога, исполняли начертанный въ ихъ сердцѣ нравственный законъ и чрезъ то пріобрѣтали благоволеніе Божіе. Ср. у проф. А. Д. Бъллева, О безбожіи и антихристѣ. Сергієвъ посадъ 1893, т. І, стр. 23.
- 5. Говоря строго, знаніе о Богѣ, не проведенное въ жизнь, хотя бы опо было теоретически истинно, не есть еще религіозная въра. Язычники, доказавшіе своимъ отчужденіемъ отъ жизни Божіей (Ефес. 4, 17—19), что фактически ихъ знаніе о Богѣ не имѣетъ власти надъ ихъ сознапіемъ и жизнью, тѣмъ самымъ обнаружили и свое невъріе и свое непослушаніе нравственнымъ обязанностямъ, налагаемымъ върою (вадачею проповѣди апостола и было именно приведеніе язычниковъ въ послушаніе въръ, ср. Римл. 15, 18). Ср. у Rogge, S. 32—33: Der Abfall des Heidentums ist also Ungehorsam, Unglaube, ein Vorgang theoretischer und praktischer Natur zugleich.
- 6. Мы называемъ понятіе чистой лжи понятіемъ нефилософскимъ потому, что такое сочетаніе мыслей, которое было бы абсолютно неистинно, т.-е. неистинно вмѣстѣ и по своимъ элементамъ и по своей формѣ, есть, говоря строго, психологическая невозможность. Вотъ почему абсолютный скептициямъ, чего бы онъ ни касался, вопросовъ ли знанія, бытія ли Божія или чего другого, изобличается, прежде всего, своимъ собственнымъ внутреннимъ противорѣчіемъ ("я ничего не внаю"; но ты знасшь о томъ, что "ничего не внаешь и проч.). Въ этой невозможности для человѣка чистой лжи и чистаго отрицанія скавывается положительное начало его природы, предназначенной къ повнанію истины.
- 7. О квалификаціи языческихъ боговъ, какъ суеты и ничтожества, см. справки у г. *Артоболевскаго*, ор. cit., стр. 296—298.
- 8. См. І Кор. 2, 12; 11, 32 и др. Язычники живуть по духу "міра сего", который совершенно противоположень "духу от Бога" какь суетная человіческая мудрость, пригвожденная къ земному и низменному, противоположна наученію оть Св. Духа, подающаго мудрость духовную, способную судить о всемь (І Кор. 2, 12—16).
- 9. Точка зрвнія апостола на вопрось объ отношеніи явычества къ служенію демонамъ и ихъ власти опредвляется ея срединнымъ положеніемъ между двумя крайностями: раміонамизмомъ людей, совершенно отрицавшихъ существованіе демоновъ, съ одной стороны, и сусепріємъ людей, полагавшихъ, что явыческое божество есть само по себъ воплощенный демонъ, способный оказывать свою власть на всякаго вообще человѣка, независимо отъ того, язычникъ онъ или христіанинъ, кланяется онъ ложнымъ явыческимъ богамъ или нѣтъ, съ другой. Вопреки мнѣнію первыхъ, апостоль говоритъ: демоны существуютъ и на тѣхъ, кто отдается идолослуженію или уподобляется въ своей жизни язычникамъ, они оказываютъ свое порабощающее вліяніе. Вопреки мнѣнію вторыхъ, онъ говоритъ: не на всякаго человѣка простирается власть и вліяніе демоновъ, чрезъ представленіе о ложныхъ богахъ или чрезъ проловъ, но только на тѣхъ, кто по-

руженъ въ язычество или рабствуетъ гръху (Римл. 6, 17). Ср. подробнъе у Rogge, ор. cit., S. 59 и вообще параграфы, посвященные этому вопросу (14-19). Тотъ же взглядъ оставался господствующимъ и въ ученіи отцовъ и учителей Церкви, хотя, въ исторіи этого вопроса замічался иногда, — у отдільныхъ церковныхъ писателей, - наклонъ въ сторону той или другой изъ вышеозначенных крайностей, до мижнія о тождеству языческих божеству и демонову вкиючительно. См. сводъ мивній объ этомъ предметв церковныхъ писателей у преосв. Хрисанва въ его извъстномъ трудъ: Религи древняго міра въ ихъ отношении къ христианству, т. III, стр. 532 слъд. Общую мысль церковнаго преданія по этому вопросу преосв. Хрисанеъ выражаеть такимъ образомъ: "Доказывая суетность и пустоту языческихъ понятій о богахъ, признавая идоловъ бездушными и мертвыми истуканами, апологеты христіанства вм'єст'є съ тёмъ допускали участіе въ идолопоклонствѣ живыхъ силъ и существъ — злыхъ духовъ. Идолъ есть дерево или камень; представление о силахъ природы, какъ живыхъ и имёющихъ божественную власть надъ человёкомъ, — грубое заблужденіе; всё такіе боги — призракъ; призракъ и суевёріе — и боги Олимпа съ чедовъкообразными свойствами, которыя не могуть принадлежать Богу. Но вмъстъ съ тёмъ или не смотря на это, идолопоклонство ез изеъстной степени, по мнёнію апологетовь, было служеніемь не призраку только или бездушному веществу, но и живымъ, дъйствительнымъ существамъ, хотя и не темъ или не такимъ, какими представляли своихъ боговъ язычники: оно было служеніемъ демонамъ. Таковъ взглядъ на идолопоклонство у многихъ апологетовъ и у другихъ церковныхъ писателей о язычествъ. Воображаемые боги язычниковъ на самомъ дёле не существовали. Если кого можно назвать действительными, настоящими богами язычниковъ, то единственно демоновъ. Имъ служили въ идолопоклонствъ; имъ въ сущности поклонялись язычники. Поэтому, и все язычество въ его пёломъ, апологеты называють областію дёйствій сатаны, весь языческій міръ подчиненнымъ, въ этомъ смыслё, демонамъ... "Стр. 552-3.-Усвоеніе правильной точки зрёнія на вопрось объ отношеніи язычества къ области и условіямь демонскихь воздійствій на человіка весьма важно для историка религій, такъ какъ только при этомъ онъ будеть свободень отъ того крайняго и неистиннаго взгляда на историческій процессъ язычества, по которому оно, по своему происхожденію, будто бы супранатурально-манической природы, — есть случайное и безпорядочное наслоеніе суевёрій и культовь, обязанныхь своимь происхожденіемъ единственно кознямъ демоновъ. Нівть, язычество происхожденія естественного, котя его исторія и стоить подь косвенным воздействіемь (чрезь съти гръха) темныхъ демонскихъ силъ. Этотъ послъдній факторъ, конечно, не поддается строгому научному расчисленію. Но, при указанномъ ограниченів, онъ нисколько не лишаетъ историка увъренности въ томъ, что, изучая и возсоздавая процессъ развитія язычества, онъ имфеть дёло съ естественными причинами и факторами, каковая увъренность есть необходимое условіе научности его конструкціи.

Алекстй Введенскій.